

Лопушанский К.

11/1-88

Вечерний Ленинград
— Ленинград

11 января 1988 года

Ленинградцы — лауреаты Государственной премии РСФСР

Слова серьезного человека

Недавно творческая группа создателей фильма «Письма мертвого человека» удостоена Государственной премии РСФСР имени братьев Васильевых. Мы поздравляем Константина Лопушанского — режиссера и автора сценария, Вячеслава Рыбанова и Бориса Стругацкого — авторов сценария, Николая Покопцева — опе-

ратора-постановщика, Елену Амшинскую и Витора Иванова — художников-постановщиков, Леонида Гавриченко — звукооператора и Ролана Быкова — актера с высокой наградой!
Сегодня наш собеседник — Константин ЛОПУШАНСКИЙ.

— Костя, можно я назову тебя борцом за мир?

— Конечно, можно. Я и есть борец за мир.

Вот так и сказал — серьезно и убежденно. И нисколько не смущаясь высотой понятия — как смущаются многие, кто не нашел своего, конкретного места в этой борьбе. В общем, Лопушанский, наверное, имеет право на такое утверждение — его фильм «Письма мертвого человека» посмотрели люди не только в нашей стране, но и за рубежом. Картину показало американское телевидение. Она получила дюжину самых разных престижных призов. И вот теперь — Государственная премия РСФСР...

Вот он, Константин Лопушанский, перед вами. Не обращайтесь внимания на кресло — это не его кресло. Взгляните на лицо... Это его лицо. Напряженность? Да. Энергия? Да. Закрытость? Да... И неловко даже говорить о Лопушанском «дебютант», хотя «Письма...» — первая его большая работа в кино. Диплом после Высших режиссерских курсов — «Соло» (тогда, в 80-м, многие недоумевали: не воювал — а новый взгляд на войну, не коренной ленинградец — а как прочувствовал блокаду... И только не удивлялись сюжету фильма, этой истории про музыканта, — ибо Лопушанский успел и консерваторию окончить, и кандидатом наук стать) — тоже имел множество призов. А сегодня я хочу поговорить об успехах,

Для нас соотносить его с авторитетом наград разных смотров привычно. А что такое успех для самого Лопушанского? Ему не нравится вопрос, однако не отшучивается — отвечает:

— Это когда выполнена огромная работа, и она оказалась людям нужной. Когда чувствуешь, что ты и твой коллектив трудились не напрасно. Когда ощущаешь: бессонные ночи и все, что сопровождает серьезное дело, — не напрасны. Работа действительно была очень тяжелой.

(Я помню воспаленный даже какой-то облик Лопушанского, когда шли первые недели съемок, — брала у него интервью: он говорил ровным голосом, а сам думал о предстоящем выезде на натуру. Потом где-то передевался в старые джинсы, ватник и сапоги и никого уже в коридоре студии не замечал, кроме своих товарищей по группе. — это было внешнее, а что дрожало внутри?..)

— Обычно судьба разбрасывает тех, кого она объединяла для съемок картины. К чести нашего коллектива, мы не теряем связь. В минуту радости — показы фильма, обсуждения, хорошая пресса — мы оказались снова вместе, как и во время трудностей, — и это очень приятно.

Если говорить об интересе к картине, то, мне кажется, он во многом обусловлен тем вниманием к проблеме ядерной угрозы, которая существует на планете. Тема, небезразличная каждому... Но, смею надеяться, что наш труд — творческий — позволил создать не только

произведение публицистики, но и искусства, представляющее интерес с точки зрения новой волны в кинематографе. Обращаю на это внимание, так как очень много споров, в том числе в Госкино, сводилось к стилистике картины. Отстаивая такую стилистику, я доказывал, что обращение к новой для советского кино теме диктует и новую манеру изложения. Перемены, которые начали происходить в нашем кинематографе, назревали, и я ощущал необходимость в новом языке, который не только интересует зрителя, но и отвечает процессу развития кино. Премьера состоялась через две недели после пятого съезда кинематографистов — наш фильм, появившийся во многом вопреки сложившейся в кино системе, принимался уже в новых условиях, и картина обязана этим переменам.

Чрезвычайно отраднo, что фильм становится поводом и стимулом для общественного разговора о ядерной угрозе. Я был свидетелем того, как в ФРГ один из просмотров картины превратился в настоящую дискуссию. Вообще, в этой стране наша работа была принята очень хорошо, вышел даже сборник откликов в прессе — более ста рецензий. И во многих — попытка понять то новое, что происходит у нас.

Ну и не последние слагаемые успеха — личность Ролана Быкова, которого все очень любят, и имя Бориса Стругацкого в титрах...

Итак, Лопушанский ощущает успех как правильность своей точки зрения. А в какой степени он — возможность дальше делать то, что хочется?

— После «Соло» был длительный простой. Награды не облегчают жизнь... Но это были тяжелые годы в кино, и меня они коснулись так же, как всех других... Вообще, конечно, все-таки от режиссера многое зависит в

судьбе его следующих фильмов. Творческая удача позволяет более аргументированно защищать замыслы, стилистику. Теперь я смогу сослаться не только на найденное в «Соло», но и на «Письма»... Как показывает практика, режиссеры постепенно формируют свой стиль... И я в следующем своем замысле остаюсь верен жанру философской фантастики... — Пожалуйста, подробнее.

— Пока скажу лишь, что сейчас написан сценарий. Проб-

лемы? В большой степени — вопросы экологии, понимаемой широко, как сейчас принято говорить, экологии культуры. Выпуск картины — по планам «Ленфильма» — 1989 год.

Однако, не скоро. А нет ли неприятного ощущения, что вот лет уже немало (ох, уж эта пресловутая терминология — «молодой режиссер!»), а сделано еще немного?

— Есть нормальное рабочее состояние. Авторское кино — а я сторонник такого кино — рождается медленнее: сначала драматургия, а уж потом... Все идет теперь, как идет. Понятие «молодой режиссер», конечно же, условно. Не об этом надо думать. Замыслы будут появляться сами собой — дальше дело зрителя: отнесет ли он фильмы к категории художественных.

Но фильмы — только часть жизни. Идет процесс ее познания — как у каждого, но у режиссера он еще запечатлевается на пленку. Вот и хочется, чтобы этот процесс был точный, сосредоточенный, что ли... Художник всегда стремится к идеалу. Он недостижим. Но иллюзия возможности создать такой фильм и движет нами...

Все правильно. И все очень серьезно. Такой серьезный человек — Константин Лопушанский. И фильмы его такие... И дальше мы с ним говорили о серьезных вещах — опять о переменах в кинематографе, которыми он очень доволен как режиссер («хотелось бы быстрее!»), об атмосфере социального оптимизма, которой он чрезвычайно рад как гражданином... Я вот не решаюсь об этом писать, боюсь стертых фраз, — а он не боится: считает, что словам пора вернуть их первоначальный смысл. С этим трудно не согласиться. И потому я рискую задать ему последний вопрос: Костя, можно я назову тебя борцом за мир?..

О. ШЕРВУД

Фото В. ПЛОТНИКОВА